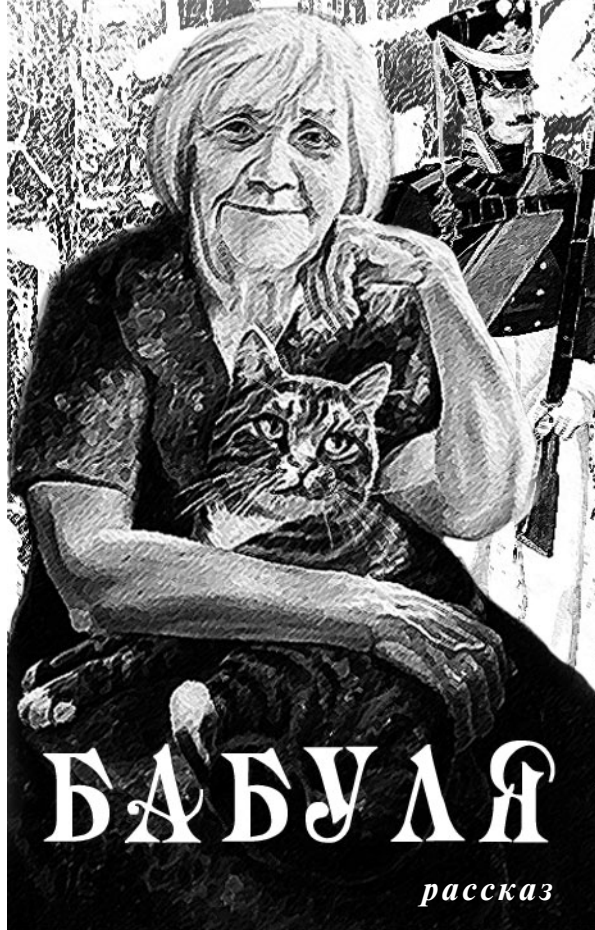

**Валерий
ВЕРХОГЛЯДОВ**

г. Петрозаводск

БАБУЛЯ

рассказ

1. След плешивого щеголя?

Елизавета Платоновна Круглова, в девичестве Коконова, — мать моей жены Наташи, иными словами, моя теща. Живет она на Ключевой, но упорно именует этот район по старинке «Двенадцать ключей».

Бабуле, как мы все ее называем, 94 года.

Полагаю, что она без особого труда одолеет и столетний рубеж. У нее здоровое сердце, прекрасно работающий желудок, и лишь два года назад Елизавета Платоновна узнала, что такое зубная боль.

Медицинскую помощь ей оказали на дому, больной зуб удалили, а остальными она может

даже подсоленные сухари грызть, до которых большая охотница.

Вот только колени у Елизаветы Платоновны с годами ослабли, поэтому из квартиры она не выходит, а по самой квартире передвигается, опираясь на колясочку, которую ей привезли из Финляндии.

Квартира трехкомнатная с длинным коридором, смахивающим на голенище солдатского сапога.

Большую комнату, по замыслу архитектора — гостиную, некогда занимали бабуля, ее муж и телевизор.

В одной из маленьких комнат с крохотным индивидуальным балкончиком некоторое время пребывал их сын Вася, который женился на ингерманландке и вскоре перебрался на постоянное место жительства в сопредельную страну.

Во второй маленькой комнате начинали свою семейную жизнь мы с женой и прожили там три года, до того как переехать на улицу М.Горького.

Так что сейчас в этой квартире Елизавета

Платоновна полная и единственная хозяйка. Есть где покататься на колясочке.

Кроме болезни ног, бабуля страдает тугоухостью. На левое ухо она не слышит вообще, а на правое с некоторым трудом и когда сама того захочет.

Мы купили ей слуховой аппарат, который бабуля на следующий день для интереса разобрала и не нашла в нем ничего достойного удивлению, но с той поры аппарат не работает. Починить его не берется ни одна мастерская.

Наташа, которой каждый день нужно разговаривать с матерью хотя бы о самых простых житейских делах и заботах, купила второй аппарат — более дорогой и, как уверяли в салоне «Академия слуха», более надежный. Его бабуля не носит. Уверяет, что этот уникальный прибор жмет ей, как бордовые туфли, которые Василий Егорович Круглов, ее муж, умерший шестнадцать лет назад, подарил ей в 1956 году на Международный женский день 8 Марта.

Раньше у бабули любимым занятием было по любому поводу, а то и просто без повода, спорить со своим мужем.

Замуж она, молодая симпатичная связистка, вышла за лихого пулеметчика пограничной службы. Произошло это событие на Карельском фронте в перерыве между боевыми действиями.

Когда война закончилась, героя-пограничника по рекомендации воинского начальства отправили на учебу в совпартшколу.

Получив столь специальное образование, молодой перспективный партийный руководитель-орденоносец недолго оставался в кадровом резерве и вскоре занял престижную должность в одном из районов республики. А Елизавета Платоновна как была, так и осталась рядовой связисткой.

Ну разве может нормальная женщина, у которой все при всем и даже есть чем похвастаться, терпеть столь явную несправедливость? Тем более на фоне всеобщей народной нелюбви к начальству вообще, и партийному в частности.

В семье явно назревал конфликт.

Василий Егорович пошел на военную хитрость и, всячески нахваливая жену как самую умелую хозяйку районного центра, купил ей корову.

Тем самым он лет на шесть отвлек ее от ак-

тивных недружественных действий. Потом родилась дочь, моя будущая жена, за дочерью — сын. Забот у Елизаветы Платоновны прибавилось, а смекалистый Василий Егорович днями, а порой и ночами, как в надежном блиндаже, отсиживался в своем райисполкоме.

Зато когда семья переехала в Петрозаводск, а дети выросли, тут уж Василию Егоровичу досталось по полной.

Только на рыбалках и спасался от женской критики.

Правда, он и здесь не растерялся: как герой-фронтвик получил в одном из кооперативов земельный участок, построил избушку-временку, устроил грядки, на поле посадил картошку, а бабуле каждый год стал приобретать на Сунской птицефабрике два десятка цыплят. Так что времени для проявления классовой ненависти у нее с ранней весны до поздней осени практически не оставалось.

Только зимой Василию Егоровичу приходилось терпеть женский антагонизм, но он и здесь нашел выход и, как в отпуск, ложился в больницу, чтобы подлечить то сердце, то застарелую язву желудка.

Когда дед ушел их жизни, бабуля как-то заскучала и, более того, стала умственно деградировать.

— Старость — не радость, — сетовала Наташа. — То поесть забудет, то какую-нибудь ересь несет. Как говорится, тараканы у нее в голове завелись.

Однако вскоре я заметил, что некоторые из этих тараканов были весьма необычного свойства.

Как-то принес домой альбом формата инфолио с образцами воинского обмундирования русской армии начала девятнадцатого века.

Сидим с бабулей за столом, картинки рассматриваем.

— Умели в те времена подчеркнуть офицерскую статью. Только уж очень нарядно получалось. В таком прикиде разве что мазурку танцевать, а не биться на поле боя, — говорю я, показывая на одну из иллюстраций. — Улан, наверное.

— Да вы что, сударь, — прямо-таки вскинулась Елизавета Платоновна. — Это же походный мундир лейб-гвардии конно-егерского полка. В

таким и государь император Александр Благословенный не прочь был покрасоваться.

«Ничего себе, — думаю, — раньше-то все Никита да Никитушка, а тут «сударь» да еще на «вы».

Удивился, но виду не подал.

Листаем альбом дальше.

Но больше ничего особенного не случилось, и моя дорогая теща даже гренадера от гусара отличить не могла.

Так какую же часть ее памяти включила она, и более того — вполне определенная картинка из альбома?

Для начала я заинтересовался егерскими формированиями.

Из специальной литературы узнал, что впервые наименование «егеря» (от немецкого *jaeger* — охотник, стрелок) в воинском лексиконе появилось в семнадцатом веке во время так называемой Тридцатилетней войны — так в армиях Бранденбургского княжества называли лучших стрелков, которые имелись в каждой роте. В середине восемнадцатого века в прусской армии создаются уже специальные команды стрелков-егерей, в основном из бывших лесничих, поэтому они часто выполняли еще и роль следопытов.

В новых условиях военных действий возникла необходимость и в новых воинских формированиях, в которых обученные регулярному конному строю воины сочетали бы сабельный удар с огневым боем. Такой кавалерией стали конные егеря.

«После изгнания Наполеона из России в русской армии была проведена реорганизация, — прочитал я в одной из статей. — Большое число драгунских полков (их было 36) уже не оправдывало себя».

17 декабря 1812 года ряд драгунских полков перевели в другие виды кавалерии: два — в кирасирские, один — в гусарский, восемь — в уланские. Остальные — в полки конных егерей.

Вот где-то здесь и следовало искать след императора Александра I Благословенного, о котором мимоходом упомянула бабуля, увидев картинку в альбоме.

Обнаружился он в бывшем лейб-гвардии драгунском Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны полку, который 19 марта 1814 года был сформирован

в Версале генерал-адъютантом князем Васильчиковым из офицеров и нижних чинов армейской кавалерии, особенно отличившихся в Отечественную войну.

Первоначально в его состав входило четыре эскадрона, но уже 30 апреля того же 1814 года был утвержден штат из шести эскадронов действующих и одного запасного.

1 апреля 1815 года полк, переведенный в конно-егерские войска, прибыл на место постоянной дислокации в Старую Руссу.

Среди высочайших особ, числившихся в нем, мы находим и нашего любезного императора Александра I, который носил мундир лейб-гвардии конно-егерского полка со дня его основания и по день своей кончины.

Но почему имя этого государя всплыло в памяти нашей бабули, никогда не интересовавшейся отечественной историей и уж тем более обмундированием старой русской армии?

«Властитель слабый и лукавый,

Плешивый щеголь,

Враг труда,

Нечаянно пригретый славой,

Над нами царствовал тогда», — так начинается 10-я глава «Евгения Онегина».

Слабым и лукавым властителем Пушкин называет императора Александра I.

У этого монарха, страдавшего тугоухостью, кроме нелюбви к труду, имелась еще одна простительная для мужчин слабость — он был весьма неравнодушен к женскому полу. Об этом знали все царедворцы. Не ограничиваясь жеманными дамами света, он мог одарить своим вниманием и простодушную пейзажку, и прелестную в своей наивности мешаночку.

В 1819 году, как известно, Александр I предпринял поездку по Северу России.

Отметив тезоименитство своей матушки, монарх в ночь с 22 на 23 июля выехал из Петербурга. Царский поезд состоял из восьми колясок, фельдъегерской тележки и запасных дрог. Сопровождала Его Величество в этом вояже чисто мужская компания: князь Волконский, статс-секретарь Муравьев, лейб-медик Веллие и полковник Соломка.

28 июля экспедиционеры добрались до Архангельска, где пробыли до 31-го. 6 августа

царь со своей свитой прибыл в Вознесенье и в тот же день выехал в Петрозаводск.

В деревне Григорьевской, что в двух верстах от Рыбреки, государь неожиданно для свиты решил поближе познакомиться с жизнью «олонецких селян». Для него были в диковинку северные строения домов так называемым «кошелем», когда под одной крышей располагаются и жилые, и хозяйственные постройки. Александр I велел остановиться и вошел в дом крестьянина Матвея Фотиева. Осмотрев все до последней кладовой, он с удивлением заметил: «Так вот, значит, как живут петрозаводские мужики».

Потом он попил с хозяевами чаю.

Крестьянские девушки преподнесли монарху подарок — корзинку малины и корзинку земляники. Он попробовал по одной ягодке, сказал, что девушки сами как ягодки, поблагодарил за гостеприимство, дал Фотиеву денег и велел ехать дальше.

В Петрозаводск Александр I въехал на открытых дрожках, одет был по-походному, в мундир лейб-гвардии конно-егерского полка.

Для отдыха ему определили дом горного начальника, который еще долго потом называли царским дворцом.

В этом доме Александр I провел две ночи.

8 августа он то ли вообще не ложился, то ли рано встал, но в 5 утра уже велел закладывать лошадей.

Генная память, связывающая поколения, порой бывает причудливой и непредсказуемой.

И кто знает, где на маршруте следования Александра I Благословенного: Петербург — Лодейное Поле — Ошта — Вытегра — Каргополь — Архангельск — Каргополь — Вытегра — Ошта — Вознесенье — Петрозаводск — Олонец — Куопио — Улейборг в положенный срок могли родиться девочки с жидкими рыжеватыми волосиками, которые к старости страдали царственной тугоухостью?

Жаль, что адъютант Его Величества полковник Соломка, не раз выполнявший приватные поручения патрона, не оставил потомкам своих воспоминаний. В них вполне могла бы промелькнуть и фамилия почтенных петрозаводских купцов Кононовых.

2. Подпольные воробьи

И был вечер, и уже сгущались за окном апрельские сумерки, когда легко и как бы само собой мечтается о чем-то желанном — то ли душевном, то ли телесном, но чаще всего несбыточном. Чтобы выскользнуть из-под накатывающейся волны меланхолии, я решил поработать над очерком. Только включил ноутбук, как на столе ожил мобильный телефон. То, что я первоначально принял за его деликатное попискивание, на самом деле было колоколом громкого боя, набатом тревоги.

Звонила жена.

— Бабушка упала! — трагично выдохнула она. Это время от времени случалось.

Отпустив одновременно обе ручки коляски, а значит, потеряв опору, бабуля тотчас оседала на пол, а вот снова подняться при своих больных еле-еле сгибающихся коленях Елизавета Платоновна была уже не в силах. Именно для таких случаев она на груди, как священник крест, всегда носит мобильный телефон.

— Понятно. Ты сейчас где?

— Она позвонила мне на работу. Я, конечно, все бросила и примчалась сюда. Теперь вот сижу рядом. Поднять ее не могу.

— И не пытайся. Помоги бабуле сесть спиной к стене и обложи с двух сторон подушками. Я уже одеваюсь. Только, бога ради, не поднимай сама. Слышишь?

— Да слышу я, слышу.

Сложив в сумку ноутбук и все необходимое для работы, я помчался на Ключевую.

— Быстро ты, — сказала Наташа, открывая дверь.

— Служба обязывает. Я в МЧС главный специалист по поднятию старушек. Где пострадала?

— В конце коридора.

Бабуля сидела у стены в позе нищего, весьма колоритно изображенного на полотне Виктора Михайловича Васнецова «Бродячие музыканты».

— Удобно устроились, — сказал я. — И давно так?

— Второй час, — сердито сказала бабуля.

Я подогнал ближе транспортное средство, подхватил тещу под мыщетки и одним рывком поставил на ноги.

— Так, беремся за ручки коляски и немного постоим — за час вынужденной посадки ноги, конечно, затекли. Отлично стоите. Как часовой у Мавзолея. Теперь делаем первый шаг. Помните песню комсомольцев? Первый шаг — он трудный самый. Замечательно. Вы природный марафонец. Еще один шаг. Все, как говорил незабвенный Михаил Сергеевич, процесс пошел, и наступила пора рассказать, как вы оказались на полу?

— Он толкнул.

— Так уж и Он?

— А кто же еще?

— Может, не Он? Может, кто рангом помельче? Не обижайтесь — Он предпочитает работать масштабно, а толкать в спину пожилых женщин — это для Него как-то несолидно, даже оскорбительно.

— О ком это вы? — спросила Наташа.

— Да есть у нас общий знакомый. Тип достаточно известный по литературе и театральным постановкам. Узнаваем с первого взгляда: резкие угловатые черты лица, острый нос, борода-эспаньолка. Любимое занятие — разносить скверну и вводить людей в разные соблазны. А вот толкание старушек — это, простите, не по его части, что бы ни говорила Елизавета Платоновна.

— Вам бы все смеяться, а в Васиной комнате какая-то нечисть поселилась, — сказала бабуля.

— На гармошке играют? — спросил я.

— Нет, на гармошке не играют, только бубнят: бу-бу-бу да бу-бу-бу, а о чем бубнят, не поймешь.

— Выходит, что из интеллигентных. Может, тайное общество новых марксистов?

— Какие марксисты? — возмутилась бабуля.

— Говорю вам — нечисть.

— Это одно и то же, разница только в названии.

— Так вот зачем тебе наш кот понадобился — нечистую силу гонять. А мы-то думали, скрасить одиночество, — сказала Наташа.

— Ваш кот лентяй, — отрезала бабуля. — Натрескается рыбы и спать — больше у него забот нет.

— Наш Тишка умеет кротов ловить, — защитил я своего любимца. — И делает он это виртуозно. Видно, ваши гости на кротов не похожи.

— Не знаю, на кого они похожи, но очень мне неприятно их присутствие, — сказала бабуля. — Вот и сегодня: подхожу к двери, а за ней бу-бу-бу да бу-бу-бу, я, конечно, дверь распахнула — в комнате никого. Успели спрятаться. Я только повернулась, тут меня этот стервец и толкнул — чтобы не любопытствовала. А дверь сама закрылась.

— Это сквозняк, мама, — сказала Наташа.

— Сама ты... — начала было бабуля.

— Брэк, милые дамы, — сказал я. — Проверим гипотезу практикой. Сейчас мы по-семейному поужинаем, посмотрим телик и ложимся спать. Наташа — в нашей комнате, а я — в Васиной.

— Посмотрим, где ты проснешься, — сказала бабуля.

Проснулся я там же, где и лег, — на узком диванчике под легким одеяльцем.

— Так что или вы ошибаетесь, — сказал бабуле, — или эксперимент свидетельствует о моей несомненной святости.

В чем тут же усомнилась Наташа.

В конце концов решили, что Елизавета Платоновна днем два-три раза подойдет к роковой двери, прислушается, о чем за ней бормочут, и постарается разобрать хотя бы несколько слов, но саму дверь ни в коем случае не открывает, чтобы снова не оказаться на полу. А вечером я обязательно приеду, и мы будем думать, что же делать и как бороться с этим безобразием.

Вечером у бабули было праздничное, победное настроение. Чай, и, судя по аромату, из благородных сортов, она заварила, как положено, в заварном чайнике. (Обычно-то пользуется пакетиками.) Более того, стол украшала открытая коробочка «гостевых» конфет. И что уж совсем не было похоже на Елизавету Платоновну — она напевала.

— Тихо вокруг,

Ветер туман унес,

На сопках маньчжурских воины спят

И русских не слышат слез, — услышал я, когда тихо открыл входную дверь, снял куртку и вошел в гостиную.

— Добрый вечер, бабуля! — по привычке громко сказал я.

— И тебе добрый. Чего кричишь?

Смотрю, а у нее к ушной раковине прицеплен слуховой аппарат. Вот это новость!

— Чаю выпьешь? С хорошей конфеткой.

— Обязательно. Чувствую — и новости у вас хорошие.

— Хорошие или не очень — тебе решать, а кое-что я в этом бубнении за дверью разобрала. Обидно мне, понимаешь, Никитушка, стало: пользуюсь моей глухотой, заняли какие-то твари нашу комнату как свой каземат и говорильню там устроили. Но я же бывшая фронтальная радистка. Меня так запросто не облапошишь. Прицепила к уху аппаратик и к двери.

— Не открывали?

— Боже упаси! Все сделала так, как ты сказал. И вот какие слова явственно услышала: «подъемные», «оклад-жалованье», «тарифы», «классность», «комиссия обалдуев», «отчетностью замучили», а еще — «чуть что — и на вид поставят или выговор влепят». Они вообще много о чем говорили, но как-то невнятно, а вот эти слова я слышала точно, даже записала, чтобы не забыть. Вот ведь демоны что удумали — свои собрания у меня в доме проводить.

— Про собрания — это вы точно подметили, Елизавета Платоновна, но демонов сюда не приплетайте. Демоны — публика серьезная. Я сам как-то чуть не попался в сети демона Асмодея. А в минуту просветления вижу, что разводит он меня как привокзальный наперсточник, разозлился и выскользнул на волю. На воле-то лучше. Нет, бабуля, демонов вы не касайтесь, здесь шушера помельче. Но кто? Будем разбираться.

Воспитанный в строгом атеизме, я, конечно, ни в какую нечистую силу не верю, но время от времени с ней приходится считаться.

Попил с бабулей чаю, шоколадную конфетку с ромовой начинкой съел — вкусная. И пошел в Васину комнату. Там я сел в любимое рабочее кресло, ободранное котом со всех четырех сторон, но не ставшее от этого менее любимым, закурил и сказал:

— Я знаю, что вы меня слышите, но устав запрещает вам отвечать людям. Дурацкий устав,

между нами говоря, не прогрессивный, потому что общение — это, что ни говори, состояние, при котором душа отдыхает. Но вам этого не понять, вы же бездушные. Нежить, одним словом.

— Ошибаетесь, любезный, — проскрипело в углу за книжным стеллажом. — Тот параграф устава отменен в начале прошлого столетия, когда еще было с кем поговорить. А сейчас — не с кем. Вот и существуем совместно, а говорить нам не о чем.

— Я вам не любезный и не приказчик в лавке скобяных товаров. Меня, между прочим, Никитой зовут. А вас как? Или не называться положение обязывает? Темные делишки действительно лучше инкогнито да подлым тишком совершать.

— Хи-хи. Какой пылкий, — хихикнуло в углу. — С вами пикироваться одно удовольствие. Может, на «ты» перейдем? Так проще. Харамамом меня зовут.

— Харамамом? — не поверил я. — А не ты ли жил по улице Луначарского в доме номер четырнадцать? В том, где вначале был хлебный магазин, а потом опорный пункт охраны общественного порядка?

— Ну, я. Откуда знаешь?

— Так твое имя на стене дома красовалось. Я-то все гадал, что бы это значило? А это, оказывается, имя домового, — развеселился я. — Одной загадкой века стало меньше. Сам, верно, и написал. А? Гордыня обуяла.

— Сам, — грустно сказал Харамам. — Мне потом за это дело выговорешник вlepили. Тебя я тоже с той поры запомнил. Ты жил в соседнем доме и шкодил, пожалуй, больше меня. Одна выходка с квартирой номер пять, вход в которую зашил доской-вагонкой, чего стоила.

— Да ладно тебе. Это шутка была. Представляешь: утром дядя Костя Перфильев открывает дверь, а там стена. Он на меня даже не обиделся, а доски себе в хозяйство прибрал. Здесь-то ты как оказался?

— А когда дом на Луначарского снесли, меня за то граффити с понижением в должности отправили в халупу на Судостроительной, а когда и ее снесли, — то сюда — на Ключевую, в только что построенную девятиэтажку. Нас здесь целая команда. До сих пор меня коллективно воспитывают. Вот что значит

один раз опростоволоситься и расписаться в неположенном месте.

– Грустная история. Скажи-ка мне, старый знакомый, а теперь почти друг, что у вас происходит в этой комнате? Бабуля на шум жалуется.

– Пусть жалуется. Это тоже часть нашей работы. Здесь же у нас отдел по ротации старых кадров и отправки на работу новичков.

– Так я и думал: в городе, где бал правят чиновники, и домовые в конце концов погрязнут в канцелярской деятельности.

– Жизнь заставляет.

– Да не жизнь это, а ее имитация. Для вас-то, может, это и по профилю, а каково тем, которые еще числятся по ведомству живущих? Слышь, Харамам, у меня есть дельное предложение. В соседней квартире номер сто двенадцать хозяин пару недель назад уехал в Инту на заработки. За длинным рублем погнался. Ты напиши докладную в канцелярию демона Мамона. Чтобы нашему бывшему соседу подсунули верное дельце. Эдак на пять-семь лет отсидки. Мужик он внутри гниловатый, наверняка клюнет. Появится у вас тогда свое помещение, в которое можно отдел переместить – зачем здесь-то в убогой комнатухе ютиться? Будете заседать в большой гостиной, в одной из комнат разместите архив, во второй – откроете кружок любителей выпиливания лобзиком или что-нибудь в том же духе. Как тебе?

– Интересная мысль. Только до Мамона не просто добраться. Сам понимаешь – после буржуазной революции 1991 года у него работы прибавилось. И значительно.

– Попытайся хотя бы. Для тебя это чистый профит – и в должности повысят, и прежний грешок никто поминать не будет.

– Попробую. Есть в том ведомстве у меня одна зацепочка.

– Слушай, не в службу, а в дружбу – поясни, как вы вообще собираетесь: раз – и все здесь, раз – и никого нет.

– Только ты никому...

– Обижаешь. Разве я за все эти годы про Харамаму кому-нибудь рассказывал? А сам видишь – имя помню. А теперь вот и лично познакомились.

– Ладно-ладно. Только тебе. Вы, люди, неверно себе представляете течение времени.

Говорите – река времени, по-научному континуум, то есть нечто непрерывное. На самом же деле время дискретно, оно прерывисто. Как бы тебе объяснить? Иными словами, это как частые капли из крана, а не сплошная струя. Мы, кого называют нечистой силой, не материальны, у нас суть энергетическая и поэтому успеваем проскальзывать между этими каплями. Понял?

– Как не понять. Ты прирожденный педагог.

– Да ладно тебе, – засмушался Харамам.

– Ну, тогда на прощание еще один маленький вопросик. Мне как-то довелось с Асмодеем столкнуться. Я слышал, что он никогда не был падшим ангелом? Это так?

– Истинная правда. Он родился без божественного благословения, когда Адам ухлестывал за Лилит.

Через неделю бубнение в маленькой комнате прекратилось, и бабуля, чтобы закрепить эффект моих переговоров, повесила в углу икону Святителя Николая Мирликийского.

Думаю, это лишнее.

С Харамамом мне встретиться больше не довелось.

Поэтому не от интересного собеседника, а исключительно из книг узнал, что в русской мифологии происхождение нечистой силы восходит к апокрифической легенде о детях Адама и Евы, рожденных после грехопадения и скрытых от бога. «Показать их всех на свет Божий Адаму было стыдно, и потому он скрыл их в избе, бане, в риге, в лесу и в воде, а Бог за эту скрытность сделал так, чтобы дети праотца навсегда и остались в местах сокрытия, где живут, размножаясь подобно людям». Прародитель наш был большой греховодник, да и жена его – еще та блудница.

Есть на эту тему и другие предположения. Их много.

Вообще же, вопрос, откуда взялась нечистая сила, темный и до сих пор до конца не изучен. Но известно, и это абсолютно точно, что нежить, как и воробьи, всегда пребывает рядом с людьми и ее так же много, как и представителей отряда воробьиных.

3. Распознавание с первого взгляда

За поздним ужином Наташа с улыбкой рассказывала:

— Захожу после работы к маме, а она — наконец-то доченька пожаловала, совсем меня забыла. Я ей говорю: «Да вы что, мама? Вчера же была. Хлеба свежего купила, яйца, два кило картошки, нарезку красной рыбы, а к чаю вашу любимую ром-бабу».

— Точно, — говорю. — Мне вчера некогда было, ты одна ходила. А она — что? Забыла?

— В том-то и дело, что не забыла. У меня, говорит, вчера другая Наташа была. И пальто у нее точно такое же, как у тебя. Неужели думаешь, я работника соцслужбы от родной дочери отличить не смогу? И смотрит на меня так хитренько. В общем, муж, поздравляю: у нашей бабули очередной глюк.

— Или ты любовника себе завела. Пальто одолжила подружке, а сама к нему. Понадеялась, что старушка сослепу не разглядит, — подначил я.

— Муж, я обижусь. Это ты у нас заводишь себе приятельниц. А я на вас, мужиков, давно внимания не обращаю — все вы одинаковые.

— Чтобы так утверждать, нужно иметь порядочный опыт.

— Я точно обижусь.

— Так не говори глупостей.

Наташа сердито вздернула голову и ушла в свою комнату, а я остался допивать чай.

За все годы, что мы вместе, жена не выиграла у меня ни одного спора, потому что логика у нее «дважды два — это зеленое» и к тому же слабо развито чувство юмора.

На следующий день мы к бабуле пошли вместе. Жена все еще дулась на меня за вчерашнее. К тому же на работе у нее случилась неприятность.

Библиотека, в которой Наташа исполняет обязанности заведующей, располагается в цокольном этаже жилого здания. Все трубы в нем давно прогнили, находятся в аварийном состоянии, и время от времени с потолка библиотеки капает вода.

На этот раз внешний ручеек залил стеллаж с карельской поэзией. Классики раздулись от влаги, распушили страницы, но выстояли, а тоненькие сборники Цветкова, Новоселова, Гребенщико-

ва, Федорова, Николаевой и других представителей поэтического цеха смыло на пол. Теперь книжки, как белье, сохли на веревке, и Наташа думала, не лучше ли списать эту подмоченную поэзию к чертовой матери — все равно читатели давным-давно ею не интересуются.

Елизавета Платоновна встретила нас радушно, усадила пить чай.

Когда Наташа пошла мыть руки, бабуля заговорщицки мне подмигнула.

— Ты тоже ее знаешь?

Я понял, что родную дочь она приняла за работника соцслужбы.

— А как же, — говорю, — недавно познакомились.

— Небось и ночевать с ней останешься?

С той поры, как я разобрался с десантом домовых, бабуля относится ко мне с нежным покровительством.

Скроил на лице виновато-просительную улыбку.

— Пожалуй, останусь. Не домой же ее вести.

— Смотри, Никитушка, Наталья узнает — голову открутит.

— Если вы не скажете, как она узнает?

— Я-то — могила. Но у женщин на такие дела нюх почище собачьего.

— Вот и пусть вынюхивает. Флаг ей в руки и барабан на шею.

За утренним чаем бабуля внимательно присматривалась к моей спутнице, старалась точнее запомнить ее черты, а Наташа, которая ничего не знала о нашем заговоре, весело щebetала и вообще была довольна жизнью.

Я же этот бабушкин бзик поставил, что называется, на контроль и стал терпеливо ждать дальнейшего развития событий.

Внимательно наблюдал и за поведением жены — это ведь ее двойника время от времени видела бабуля.

Вообще, в мировой литературе двойников описывают как астральные тела, появление которых является предзнаменованием каких-либо предстоящих событий.

Мне доводилось читать о двойниках Достоевского и Борхеса, Гете и Шелли. Сохранилось предание, что королева Елизавета I незадолго до смерти увидела себя умирающей в постели, которая привиделась ей смертным одром.

Встречалось описание и такого небезынтересного случая: когда Екатерина II в одном из переходов дворца увидела себя, идущую навстречу, то эта решительная женщина приказала солдатам стрелять в двойника, зарядив в ружья не обычные пули, а серебряные пуговицы.

Народные предания утверждают, что двойника можно искусственно вызвать.

Если накануне Дня всех святых девушка на выданье зажигала перед зеркалом две свечи и ела яблоко, то через некоторое время она могла разглядеть в зеркале призрачный образ своего суженого, который как бы стоял позади и смотрел на нее из-за плеча.

Вообще же, встреча с двойником не всегда носит позитивный характер.

Вот почему в доме, где лежит покойник, принято занавешивать зеркала. Считается, что двойник живого человека, отразившись в амальгаме, легко мог быть захвачен умершим и унесен в загробный мир. А где и при каких обстоятельствах вам придется встретиться со своим эфирным «я» и к чему это приведет, записано разве что в Книге судеб, прочесть которую еще никому не доводилось.

Характер бабушкиного бзика довольно скоро удалось разгадать.

Если Наташа приходила к ней в хорошем настроении, то ее Елизавета Платоновна при-

нимала за любимую дочь. А вот если жена по какой-либо причине была хмурой, неразговорчивой, куда-то спешащей, она тотчас превращалась в соцработника.

Однажды случилось непредвиденное.

Мы зашли к бабуле вместе.

Наташа была веселой, а у меня разболелась голова, что, конечно, отразилось и на моем настроении.

— Бабуля! Это мы! — оптимистично крикнула Наташа, открывая дверь.

— Вижу, — коротко и без особой радости отреагировала Елизавета Платоновна.

— Ты что, не рада?

— Ну, пришли, так ставь чайник.

— Да ты сегодня, смотрю, не в духе. А это кто со мной? — устроила Наташа бабуле экзамен.

— Мужик какой-то.

— Да ты что? Это же Никита.

Бабуля хмыкнула и промолчала.

После чаепития она отозвала Наташу в сторону.

— Спать-то его где положишь?

— Как где? В нашей комнате. Это же муж мой. В ту ночь жена изменяла мне со мной.

А Елизавета Платоновна ни соцработнику Наташе, ни любимому зятю о случившемся до сих пор ничего не рассказала.

□

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

